пьеса.
Я 537

ДЕТСКИЙ ТЕАТР

П. ЯЛЬЦЕВ

ЧУДО-ЧУДНОЕ

ПЬЕСА В ПЯТИ КАРТИНАХ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1925

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Иван Иванович — деревенский богатей.
Степанида — его жена.
Семен — его работник.
Лука — монах-расстрига.
Викентий — священник.
Коля — сын учителя. Организатор пионерского отряда.
Гришутка, Мишатка, Ванек, Петюшка, Павлушка, Витюшка — пионеры.
Андрон — старик-пастух.
Васятка — его подпасок.
Марья, Агафья, Матрена, Акулина — бабы.
Трофим — отец Мишатки.
Дорофей — церковный сторож.
Парень.
1-й мужик.
2-й мужик.
1-я баба.
2-я баба.
Старуха.
Председатель волисполкома.
Пионеры, бабы, мужики, старики, старухи.
Действие происходит в глухом селе.

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Изба деревенского богатея Ивана Ивановича. Две двери: одна в сени, другая в чулан. Вдоль стен—деревянные лавки посреди избы — стол. Вечереет. С улицы доносится блеяние овец, мычанье коров и ржанье лошадей. Пустили стадо. Блеяние, ржание и хрюканье смешиваются с голосами баб, мужиков и звонкими криками ребятишек.

1-я БАБА. Бяш-бяш-бяш! Марья, пугни-ка моего барана! Вон он! Вон он побежал!

2-я БАБА. Ты зайди сбоку да за рога его! Вот так! А у меня корова что-то не идет!

1-я БАБА. Должно в зеленя ушла.

2-я БАБА. Кто ее знает.

1-я БАБА. Ты сходи-ка на прогон!.. А то, говорят, теперь за потраву совет штрафовать будет.

2-я БАБА. И то, надо сходить.

1-й МУЖИК. Матвеич! Ты моего Степку не видел?

2-й МУЖИК. Как же, видел... Клин допахивает. Должно скоро приедет.

1-й МУЖИК. Пора бы уж. С самого утра уехал.

1-й МАЛЬЧИШКА. Ванька, в ночное едешь?

2-й МАЛЬЧИШКА. Знамо еду. А куда сегодня?

1-й МАЛЬЧИШКА. В Дягилевскую балку!

ИВАН *(голос густой, слегка хриплый, говорит медленно, с расстановкой).* Семен! Лошадей напоил?

Семен. Напоил.

Иван. Буланку-то проведи по улице. Остыть ей надо. Вишь, вся в мыле...

Семен. В хлеву остынет.

Иван. А я тебе говорю, проведи. Кто тут хозяин-то? Я или ты?

Семен. Мне что ж, я проведу.

Иван. Рассуждать ты больно любишь. Ну, Лука Матвеич, идем в избу... *(Голоса, рев скота, постепенно стихает. В избу входят — Иван и Лука. Лука в потертом, порыжевшем от времени подряснике. За плечами вещевой мешок, на голове скуфья, в руках толстая суковатая палка.)* Входи. Гостем будешь.

Лука *(долго крестится, а затем ставит палку в угол).* Спасибо на добром слове, Иван Иваныч, спасибо.

Иван. Степанида!

Степанида *(из чулана).* Тут...

Иван. Засамоваривай-ка чай! Гость у нас. Ты, Лука Матвеич, снимай свою амуницию да садись. Чай, устал?

Лука. Как не устать. Шутка ли, семьдесят верст отмахал.

Иван. Ты из города?

Лука. Из города, Иван Иваныч, из города.

Иван. Ну, а что хорошего в городе?

Лука. Хорошего мало. У вас плохо, а в городе еще хуже.

Иван. Что ж, ты все в городе жил?

Лука. Нет. Я за это время в Саровской пустыни побывал, в Предтеченском монастыре гостил целую неделю. По селам, по деревням ходил... *(Из чулана выходит Степанида.)*

Степанида *(всплескивая руками)*. Батюшки! Лука Матвеич! Да откуда же ты взялся? С самого рождества пропадал, а потом на-тебе — явился! Мы уж думали, что ты в тюрьме сидишь, али помер!

Лука. Ну, что ты, матушка. За что ж меня в тюрьму? Вреда я никому не делаю — людей не обижаю.

Степанида. Да теперь разве на это смотрят?

Лука. Господь хранит грешника. Вчера только из одного села прогнали, а так все благополучно.

Иван. За что же это прогнали?

Лука. А кто их знает! Развелась по деревням эта самая погань, как их там, комсомольцы что ли... Житья теперь от них не будет. Стал я бабам водичку от Серафима Саровского продавать, вдруг они и налетели, ну, и того — турнули. Думал, что изобьют, да ничего, милостив господь, не тронули.

Степанида. О-хо-хо! Дождались времечка!

Лука. Беда! Скоро, пожалуй, до того дело дойдет, что в поле ночевать будешь.

Иван. Приходится со всем мириться...

Лука. Да мне-то что ж. На все божья воля...

Иван. Степанида, самовар-то у тебя скоро?

Степанида. Сейчас. *(Идет в чулан.)*

Лука. Ну, а как отец Викентий поживает?

Иван. Да тоже не лучше нашего. *(Входит Семен.)* Ну, как, остыла Буланка?

Семен. Остыла.

Иван. Иди ужинай. Да езжай в ночное.

Семен. Ладно. Ты бы, Иван Иванович, переночевал сегодня в саду.

Иван. А что?

Семен. Да я в эту ночь Павлушку Митриева поймал на яблоне. Как бы опять он не залез.

Иван. Павлушку? А ты Митрию говорил?

Семен. Да что ж говорить, какой из этого толк.

Иван. Пусть Митрий его выдерет. Если ему раз хорошую ижицу прописать, так в другой уж он, пожалуй, не полезет.

Лука. Правильно, хорошими прутьями да по мягкому месту!

Иван. Вот именно.

Семен. Ну, от прутьев толку мало. Лишь обозлишь парня...

Иван. А что ж по-твоему, спустить так? Да ведь он тогда весь сад оберет.

Семен. Зачем спускать. Не отцу нужно говорить, а этому, ихнему, как он у них называется... вожатому, учителеву Кольке. Павлушка как раз пионер. Колька учителев лучше отца с ним разделается.

Иван. Тьфу! Колька-то сам не лучше Павлушки. Два сапога пара.

Семен. Ну, нет, про Кольку этого сказать нельзя, он дельный парень.

Иван. Все они хороши.

Лука. Это что ж, и у вас эти самые пионеры завелись?

Иван. И не говори...

Лука. Я полагал, что они только в городе, а выходит и в деревне то же самое?

Иван. То же самое... Теперь с ребятами сладу нет. Устраивают какие-то собрания, ходят по селу с барабаном, песни поют.

Лука. А мужики-то на что ж смотрят?

Иван. А что ж мужики! Если бы все в одну дудку дули. А то ведь у нас как, одни-то против, а другие сами на это ребят подбивают. Пусть,— говорят, от этого вреда нет.

Семен. Знамо дело. Какой же вред? Работают они не меньше нашего, а что касается собраний, так кому они мешают?

Иван. Ну, с тобой разве сговоришься. Поезжай лучше в ночное.

Семен. Сейчас поеду. *(Уходит в сени.)*

Лука. Ну, и время-времечко! *(Степанида вносит самовар, расставляет на столе чашки, достает из шкафа хлеб, масло, ветчину.)*

Иван. Ну, Лука Матвеич, садись. У тебя сегодня постный день али скоромный?

Лука. Постный. Ну, да ладно, так и быть — согрешу. Уж больно сало-то у тебя соблазнительное. *(Садятся за стол.)*

Иван. Кушай на здоровье. Господь-то—он милостивый, простит... *(Разливая чай.)* Ну, а что хорошего в монастырях?

Лука. Да что ж хорошего. Монахов почитай всех разогнали, устроили там какие-то дома отдыхов, приюты...

Иван. Ох, дела! К чему мы только идем? Одному богу известно... *(Входит пастух Андрон и подпасок Васятка. Оба с кнутами, у Васятки — рожок.)*

Андрон. *(крестясь).* К тебе на ночлег, Иван Иваныч.

Иван. Что так скоро?

Андрон. Да как же скоро? Все село обошли.

Иван. Ну, ладно, оставайтесь. Хотя ежели по правильному-то рассуждать, так вас и кормить не за что.

Андрон. Как же это так — не за что?

Иван. А так, больно плохо скотину караулите. Вчера я со своих зеленей штук десять овец прогнал. Какие же вы после этого пастухи, когда у вас овцы по зеленям ходят?

Андрон. Да где ж двоим за всем стадом уследить, Иван Иваныч! Особенно за овцами! Ведь это такая неугомонная скотина, чистая беда с ними! Куда один — туда и все. Просил я у обчества второго подпаска — не дали. Двоих, говорят мужики, хватит.

Иван. Знамо дело—хватит. Велико ли у нас стадо-то?

Андрон. Велико не велико, а двоим трудно справляться.

Васятка. Дедушка! А, дедушка!

Андрон. Чего тебе?

Васятка. Можно мне к ребятам?

Андрон. Я тебе покажу таких ребят! Зачем тебе к ним?

Васятка. Надо.

Андрон. Дрыхнуть тебе надо, а не по ребятам шляться!

Иван. Он, что, тоже у тебя пионер?

Андрон. Бес его знает, кто он... Лодырь — вот кто! Третьевось дня смотрю, а он с книжкой в кустах сидит.

Иван. С книжкой? Вона — при большевиках и подпаски за книжки взялись... Ловко-ловко!

Андрон. А все учителев Колька! Принесла его из города нелегкая! Перебаламутил всех ребят, а за ребятами и мой тянется.

Иван. А ты его за вихры почаще потаскивай.

Андрон. Таскал, да что толку-то! Совсем от рук отбился малый!

Васятка. Дались тебе мои книги. Ведь во время обеда я ее читал. Стадо на отдыхе лежало, делать все равно нечего было.

Андрон. А зачем тебе эти книги? Для того, чтобы стадо пасти книг не нужно. Я век без них прожил, проживешь и ты. За Колькой учителевым тянешься. Он по ученой части пойдет, ему может и книги нужны. А тебе на кой ляд они? Одно только затмение ума.

Васятка. Ну разве с тобой сговоришься.

Иван. Степанида!.. Сбери-ка пастухам в чулане ужин.

Степанида *(из чулана)*. Пущай идут сюда!

Андрон. А где ж ты нас спать уложишь, Иван Иваныч?

Иван. В чулане и ложитесь.

Андрон *(Васятке)*. Ну, ты, книжник, идем

Иван. Видишь, какие теперь ребята пошли.

Лука. Ох, до чего только мы с такими ребятами доживем. *(Входят Агафья и Марья.)*

Агафья. Здравствуй, Лука Матвеич!

Марья. Уж мы думали, батюшка, что ты никогда к нам и не покажешься...

Лука. Вот пришло время и показался.

Агафья. Где ж это ты, касатик, пропадал?

Иван. Садитесь, бабы, коли пришли.

Агафья. Ну, расскажи, Лука Матвеич, где был, что видел? *(Входит Матрена.)*

Матрена. Лука Матвеич! Да нешто ты!

Иван. Он самый! Теперь к тебе, Лука, все бабы сберутся. Любят они тебя.

Матрена. Да как же не любить такого человека!

Марья. Где ж ты пропадал, Лука Матвеич? *(Из чулана выходит Степанида.)*

Лука. По монастырям ходил, бабоньки по обителям большим. Был в Саровской пустыни, был в Предтеченском монастыре, ходил к Тихону Задонскому. Во многих местах побывал, родимые. У Серафима Саровского помолился, взял песочку со святой могилки, водички из святого ключа.

Матрена. Это што ж, помогает от чего?

Лука. Как же, как же! Песочек от дурного глаза оберегает. Ежели положить несколько крупинок в ладонку, то никогда ничей глаз тебя не тронет.

Марья. Ишь ты!

Лука. А святая водичка, почитай, от всех болезней исцеляет. На себе я это испытал. Третьева-сь дни остановился я в городе на ночлег и вдруг схватило меня, да так схватило!.. Света божьего я не взвидел! И голова, и живот, и поясница,—все поднялось. Я уж не знал, что и делать. Хоть на стену от боли полезай. Думал уж, что богу душу отдам, а потом вдруг вспомнил про святую водичку. Достал я ее, глотнул только капельку, и чую, боль моя на убыль — на убыль пошла. К утру, верите ли, все как рукой сняло.

Иван. Это бывает.

Марья. Дал бы ты нам немножко этой водички, Лука Матвеич. Меня вот тоже часто схватывает. Докторов у нас тут нет, а к знахарке ездить уж очень далеко. Сколько стоит за труды—мы тебе заплотим.

Матрена. Не пожалей, Лука Матвеич, для своих-то.

Лука. Ну ладно, ведь с вами ничего не поделаешь. Дорого я не возьму. По полтиннику за пузырек только. *(Бабы некоторое время о чем-то перешептываются.)*

Агафья. А пузырьки-то у тебя большие?

Лука. Сейчас покажу. *(Достает из-под лавки сумку, развязывает ее, вынимает бутылку с водой и несколько маленьких пузырьков.)* Вот вода, а вот пузырьки. Видите, сколько осталось, на донышке только. Остальное все роздал.

Марья *(смотря воду на свет)*. Ишь ты, как простая.

Лука. А какая же она должна быть по-твоему? *(Разливает воду по пузырькам и раздает их бабам.)*

Бабы. Спасибо, касатик!

Агафья. Деньги мы тебе апосля принесем.

Марья. В долг-то поверишь?

Лука. Свой народ, не обманете, чай.

Иван. Только вы, бабы, мужьям-то не особенно про эту воду болтайте.

Агафья. Знаем.

Иван. А теперь идите-ка. Луке Матвеичу отдохнуть нужно.

Лука. Вот принесете деньги, тогда уже я поговорю с вами, бабоньки. Если там еще кому вода святая потребуется, так пусть приходят.

Матрена. Да ведь она у тебя вся!

Лука. Еще в сумке полбутылки осталось.

Марья. Ну и ту разберут.

Агафья. А теперь прощайте!

Лука. Прощайте, бабоньки. *(Бабы уходят, их провожает Степанида.)*

Иван. Ну, пока на белом свете бабы есть, тебе еще жить можно, Лука Матвеич.

Лука *(вздыхая)*. Никто как бог. *(Пауза.)* А все-таки теперь не то. Вот раньше, действительно, жить

можно было. Куда ты не придешь, везде тебя с почтением, с уважением встречают, каждый ночевать приглашает, страннику за столом первый кусок дают, а теперь не то... Переменилась жизнь, переменились и люди.

Иван. Все переменилось... *(Заглядывая в чулан.)* Пастухи уж спят.

Лука. Умаялись за день-то... Принеси-ка, Иван Иваныч, водички холодной.

Иван. Да ты пей чай.

Лука. Мне не пить.

Иван. А зачем?

Лука. Вот увидишь. *(Иван идет в сени и приносит оттуда ковш с водою.)*

Иван. На...

Лука *(наливая воду в бутылку)*. Теперь понял? На святую воду всегда спрос большой...

Иван. И хитрый же ты человек, Лука Матвеич!

Лука. Без хитрости на свете не проживешь, Иван Иваныч! Вреда от воды не будет. Пусть себе лечатся на здоровье. *(В сенях слышатся тяжелые шаги. Лука прячет бутылку под лавку и начинает торопливо приглаживать длинные, лохматые волосы. Входит отец Викентий.)*

Викентий *(крестясь)*. Мир вам!

Лука. Отец Викентий!

Викентий. Здравствуй, Лука Матвеич! Давненько мы не виделись!

Лука. С самого рождества, почитай.

Викентий. Поцелуемся, что ли. *(Целуются.)*

Иван. Садись к самовару, отец Викентий.

Викентий. Спасибо. От чаю никогда не отказываюсь. Грешен, люблю побаловаться. *(Садится за стол.)*

Иван *(наливая стакан)*. Какой же в этом грех?

Лука. Расскажи-ка, отец Викентий, как поживаешь? Что-то ты похудел?

Викентий *(вздыхая)*. При такой жизни похудеешь. Скоро, видно, и мне придется по монастырям ходить. Здесь уж я не нужен стал.

Иван. Ну, что ты, отец Викентий! Как же мы без тебя останемся? Без храма, без священника нельзя.

Викентий. Тебе нельзя, потому что ты верующий человек, а другим уж храм не нужен. Им клуб, театры разные давай. Ты был этим воскресеньем у обедни?

Иван. Как же не быть? Был.

Викентий. Ну, что, много народу было?

Иван. Да не особенно.

Викентий. Вот то-то и оно-то! Так, кое-где стоят старики, бабы, ну, есть и мужики. А молодых, молодых совсем не видно! А раньше-то помнишь, Иван Иваныч?

Иван *(вздыхая)*. Как не помнить.

Викентий. В воскресный день яблоку негде упасть. Битком... Церковь-то небольшая, так на паперти многие стояли. А теперь не то. Ребятишки— и те про храм забывают. Ну, какие же из них христиане выйдут, когда им в школе только и долбят, что бога нет, бог выдумка людская...

Лука. И везде так, не только у вас... Был я и в деревнях и в городах — везде одинаково.

Викентий. Ну, в городах — другое дело. Там и коммунисты и комсомольцы, а у нас-то ведь глушь, дичь, кажись, от всякой заразы лесами своими были ограждены. Нет, и к нам она пробралась.

Лука. От греха ничем не отгородишься, отец Викентий. Грех сквозь игольное ушко, сквозь каменные стены пройдет, а леса для него и подавно не преграда.

Викентий. Нет, видно придется повесить на храм замок да итти куда глаза глядят.

Иван. Итти-то некуда.

Викентий. С каждым днем вера падает. Уж, кажись на все я шел, проповеди каждое воскресенье говорил, молебствия общественные назначал — не помогает. На проповедях одни бабы, на молебствиях те же самые бабы... Охо! хо! Легко вера падает, да трудно ее поднять.

Лука. Смотря потому, как поднимать. Проповедями да молебствиями, конечно, дела не поправишь. Тут нужно по-другому действовать.

Викентий. Как же по-другому?

Лука. Умеючи, вот как. Если за дело взяться как следует, то можно и веру поднять и доходы тоже...

Викентий. Что-то не понимаю я тебя, Лука Матвеич.

Лука *(оглядываясь и понижая голос)*. Ладно, отец Викентий, тут народ свой, будем говорить прямо. Хочешь ты поднять в народе веру?

Викентий. Да как же не хотеть? Погибаю я от этого безверья!

Лука. Ну, так слушай, я тебе помогу...

Викентий. Помоги, Лука Матвеич, христом богом прошу.

Иван. Айда, Лука Матвеич! Он на все руки мастер!

Лука. Только наперед давай уговоримся. Все доходы пополам.

668722
Российская государственная детская библиотека

Викентий. Какие доходы? У меня сейчас никаких доходов нет. Хоть в петлю полезай.

Лука. Сейчас нет, а тогда будут. Согласен?

Викентий. Да, конечно, согласен! Зачем и спрашивать.

Лука. Только смотрите, никому об этом ни слова, а то за такое дело, ох, как нагреют!

Иван. Ну, что ты, Лука Матвеич! Здесь свои люди собрались.

Лука. Нужно нам, отцы мои, устроить... чудо.

Викентий. Чудо?!

Иван. Какое чудо?!

Лука. Ну, мало ли какие чудеса бывают? Самое лучшее чудо—это явленная икона. Понимаете?

Викентий. Не особенно.

Лука. Экие вы недогадливые! Нужно устроить так, чтобы на селе явилась икона.

Викентий. Как же это так? Постой, постой!

Иван *(хлопая ладонью по лбу)*. Понимаю! Ну, и Лука Матвеич! Хитро придумал! У тебя не голова, а чистое золото на плечах!

Викентий *(улыбаясь)*. Понимаю и я...

Лука. Наконец-то раскусили! Нужно взять самую простую икону, посадить ее куда-нибудь на дерево, и все тут. А потом только служи перед ней молебны да сбирай денежки. Это дело не трудно, для отца Викентия привычное.

Викентий. Лука Матвеич! Голубчик ты мой! Дай я тебя обниму! От чистого сердца обниму! *(Обнимает Луку.)*

Иван. Ежели все это обделать как следует, то и вера поднимется и...

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА Моск. Госуд. Пединститута

Лука. И доходы у отца Викентия тоже вверх поползут! Про что же я и говорю-то!

Викентий. Погодите, братцы! А если об этом чуде власти узнают? Ведь тогда пожалуй по головке нас не погладят!

Лука. Ну, пока они узнают! И опять, коли узнают, в ответе нам быть не придется. Кто докажет, что икону ставили мы?

Иван. Никто.

Лука. Так в чем же дело?

Иван. Уж коли делать это чудо, так нужно делать скорей. Учитель как раз сейчас в отъезде, на целый месяц в город уехал. Без него-то нам будет вольготней.

Викентий. Вот-вот!

Лука. Время терять не стоит. Сегодня ночью нужно будет поставить икону, а завтра народ узнает о чуде.

Викентий. Подожди, а как же народ узнает?

Лука. Как узнает? Гм... Сейчас придумаю... (*Некоторое время сидит молча, сосредоточенно скобля в затылке.)* Так... так... Гм... Стой! Придумал! Сегодня ночью я увижу вещий сон. Явится ко мне какой-нибудь святой и скажет: „Так, мол, и так, раб божий Лука. Явилась в таком-то месте икона — веди туда народ". Ну, я и поведу. А твое дело, батя, итти только за мной...

Викентий. Сколь умен ты, Лука Матвеич! Ведь все, как на картах разложил.

Лука. Вот то-то и оно-то! Без ума на белом свете трудно жить.

Викентий. Да я во веки веков такой бы штуки не придумал.

Лука. Ну, так что ж, согласен ты, отец Викентий, устроить чудо-чудное?

Викентий. Да, конечно, согласен!

Лука. А ты, Иван Иваныч, входишь с нами в компанию?

Иван *(разглаживая бороду)*. Отчего же хорошим людям не помочь.

Лука. Теперь давайте решим, куда поставить икону?

Викентий. В лесу где-нибудь.

Лука. Нет, в лесу неудобно. Как же мне святой укажет, на каком дереве явилась икона? Деревьев-то много, а икона одна.

Викентий. Да, это правда, в лесу нельзя.

Иван. Где же тогда?

Лука. А вот давайте подумаем.

Викентий. Подождите, братцы! Нашел место! У нас около храма, у самой стены, большой такой камень лежит. Лежит он там уже лет тридцать, весь мхом, травой оброс. Нужно будет икону у церковной стены поставить, а потом ее этим самым камнем привалить...

Иван. Вот это место подходящее!

Лука. Ну, что ж у храма, так у храма. Теперь давайте решим, какая икона должна явиться?

Иван. Какая икона? Можно взять божью матерь.

Викентий. Нет, божья матерь не годится.

Иван. Почему?

Викентий. Уж больно много их развелось-то.

Иван. Матерей-то.

Викентий. Да... Божья матерь Скорбящая, божья матерь Казанская, божья матерь Иверская. Теперь

в каждом городе, в каждом монастыре своя божья матерь имеется.

Лука. Да это правильно. Божьих матерей и без того много. Тогда разве взять Николая-чудотворца. Его народ любит.

Иван. Ну, он, говорят, пьяница был. Уж нужно взять такого святого, чтобы у него ни сучка ни задоринки не было.

Викентий. Тогда спасителя?

Иван. Вот спаситель пожалуй подойдет.

Лука. Да, это в самый раз.

Викентий. У меня как раз есть подходящий. Брат из Суздали еще до революции прислал, в подарок на имянины. Благо иконы у них в Суздали дешевые.

Лука. Ну вот, как раз он нам и пригодится.

Иван. Давайте действовать сейчас же, время зря терять нечего.

Лука. Что же, сейчас и примемся за дело. Возьмем икону, отвалим камень, положим ее, а я увижу вещий сон, а дальше дело уж как по маслу пойдет.

Викентий. Ну, Лука Матвеич, если бы тебе с твоей головой да дорогу дать, далеко бы ты пошел. Ох, как далеко! Мы тут сидим, горюем, а ты пришел и всю нашу беду, как руками развел.

Лука. Хорошим людям я всегда рад услужить, отец Викентий. Только ты свое обещание-то не забудь.

Викентий. Какое обещание?

Лука. Относительно денег. Весь заработок на троих делить.

Викентий. Погодите, погодите, как же это так, отцы, на троих. Ежели заработок делить на троих, так что же на мою-то долю останется? Вед я еще

должен буду давать дьякону да псаломщику. Не один же я стану молебны служить?

Иван. А это уж нас не касается.

Викентий. Да как же так—не касается? Трудиться мне придется больше, а получать меньше.

Лука. Велик труд, молебны отбарабанивать!

Викентий. Я-то все-таки буду молебны отбарабанивать, а за что же вы-то станете деньги получать?

Лука. Как за что? А за чудо! Чье чудо-то, твое или мое?

Викентий. Удивил чем—чудо! Да я таких чудес десятки могу наделать. Была бы охота.

Лука. Так что ж ты их не наделал? Вот она, поповская совесть-то.

Викентий. Ну ты, Лука Матвеич, мою совесть не трожь! Лучше на свою погляди. Плоха али хороша у меня совесть, а я водой да песком не торгую. Баб не обманываю.

Лука. Ты-то не обманываешь? Уж молчал бы лучше!

Иван. Да бросьте вы! Нашли время для скандалов? В чулане пастухи спят—разбудите.

Лука. Ты с живого и с мертвого дерешь! Прошлый год у Матвея жена померла, так ты с ним четыре дня из-за похорон торговался.

Викентий. Не четыре, а три.

Лука. Не все ли равно. Ты с мужиком торговался, а у него в избе мертвая жена тут же. Когда ты из него все вытянул, уж тогда похоронил покойницу... Эх, батя!.. А еще меня в чем-то упрекаешь. Я силой ни у кого из кармана денег не тяну. Хочешь—бери, не хочешь—не надо.

Викентий. Проходимец ты!

Лука *(вскакивая)*. Ах, ты чорт долгогривый! Да знаешь ли, я тебя за эти слова... *(Угрожающе размахивая руками, подходит к оробевшему отцу Викентию.)*

Иван *(становясь между ними)*. Да бросьте вы!.. Все дело испортите. Подраться-то и после сумеете!

Лука *(ударяя кулаком по столу)*. Нет! Как он смел, назвать меня проходимцем?!.

Викентий. А ты как смел?.. Я священник, а ты расстрига!.. Тебя за воровство из монастыря прогнали!..

Лука. Замолчи лучше!..

Иван. Говорят вам, перестаньте! *(Отец Викентий и Лука садятся на свои места.)* Так-то лучше. Давайте говорить тихо, мирно, покойно, как порядочные люди. Ты согласен, батя, получать третью часть?..

Викентий. Нет, не согласен...

Иван. Тогда не видать тебе чуда, как своих ушей..

Лука. Сиди да жди — когда тебе бог поможет. Со своими мозгами-то ты далеко не уедешь.

Викентий *(некоторое время сидит молча)*. Ну, ладно. Согласен. Где моего не пропадало...

Лука. Давно бы так, а то еще ломаешься.

Иван. А теперь идемте. Погодите, я фонарь прихвачу, хотя он, кажется, в сенях...

Викентий. Сперва пойдемте ко мне. Подождем, пока все улягутся, возьмем икону и...

Лука *(крестясь)*. Помоги, господи!.. *(Все трое выходят. Некоторое время изба пустует, а затем из чулана выходит подпасок Васятка.)*

Васятка *(оглядываясь)*. Чудо хотят устроить, народ обмануть... Ну, погодите, покажу вам чудо... *(Некоторое время стоит в раздумьи.)* К ребятам нужно, в ночное... Что-нибудь придумаем... *(Тихо выходит из избы.)*

КАРТИНА ВТОРАЯ

Темная ночь. В поле разложен костер, около которого в самых разнообразных позах лежат и сидят ребята. Огонь бросает ярко-красные отблески на их лица. В стороне навалены полушубки, шинели, мешки и повода. Среди ребятишек сын учителя—Коля. Издали доносится ржание лошадей и звон пут.

Гришутка. Ежели бы не отцы, так у нас совсем бы хорошо дело пошло. Уж в других деревнях про наш отряд знают.

Мишатка. Шаповские ребята сперва над нами смеялись. Портянки, говорят, на шеи надели и хвастаются. А вчера уже у меня спрашивали, что можно, дескать, нашим ребятам в ваш отряд поступить?

Павлушка. По-другому заговорили.

Мишатка. Самое главное — отцы. Мой сегодня еле-еле отпустил меня на работу к бобылихе-Марье. Нечего, говорит, тебе о других думать, когда в своем доме дела по горло.

Петюшка. А мой все подсмеивается. Баловство это, говорит.

Ванек. Если бы подсмеивались, так это еще ничего. А то ругаются, иные даже дерутся. Вон Мишатку отец за это чуть не каждый день дерет.

Мишатка. А мне што, пущай дерет. Нам к этому не привыкать.

Коля. Держаться нужно, ребятки. Одному за другого, друг за друга держаться нужно — это самое главное. Вначале над всяким новым делом смеются. Перво-наперво нужно добиться, чтобы на наш отряд смотрели не как на баловство, а как на настоящее дело.

Петюшка. Трудно. Ведь деревня не город.

Коля. Мало ли, что трудно. Никакое дело легко не дается. Во-первых, нам нужно подвинтиться самим. Серьезно работать, серьезно относиться к своему делу, тогда и другие будут на нас смотреть серьезно.

Петюшка. Это ты, Коля, правильно сказал, все дело в нас... *(Некоторое время ребята лежат молча. Один из них задумчиво смотрит на костер, другие на небо. Коля медленно размешивает палкой горящие сучья. Откуда-то доносится крик: „Лёнь, а Лёнь!.. Заверни-ка со своего краю, а то в зеленя пойдут".)*

Коля. Скоро картошка испечется...

Гришутка. Ишь ты, ночь-то какая! Тьма-тьмущая!..

Коля. Чем ночь темней, тем ярче звезды!..

Ванек. Это правда. Вон какие светлые... И все перемигиваются... *(Снова молчание... Из лесу доносится протяжный, тоскливый крик какой-то ночной птицы.)*

Коля *(смотря в темноту)*. Ну, наш караул идет. Новая смена, готовься! *(Из кучи встают четверо ребятишек.)* Все знаете свои места?

Ребята. Знаем.

Коля. Ты, Витюшка, где стоишь?

Витюшка. У лесной межи.

Коля. Так. *(Входят четыре мальчугана.)* Все благополучно?

Ребята. Все.

Коля. Ну, идите вы. А за вами уже наша очередь.

Мишатка. Смотрите, ребята, за Григорьевой кобылой. Такая неугомонная скотина, все время в зеленя прет.

Витюшка. Ладно. *(Все четверо уходят, а пришедшие растягиваются у костра.)*

1-й мальчуган. Тут тепло.

2-й мальчуган. Еще бы, ишь какой кострище разложили!..

Мишутка. Сучьев на нашу долю в лесу хватит. Жги да жги.

Коля. Немного погодя, еще пойдем принесем.

1-й мальчуган. Ну, я уже согрелся.

Ванек. А ты разве замерз?

1-й мальчуган. Не замерз, а продрог немножко. Я на пригорке стоял, место открытое, оно ветерком-то и продувает, а ветерок свежий. *(Пауза.)*

Коля. Ну, кажется, картошка наша готова... Берите, ребята. *(Все палками выкапывают печеную картошку и начинают с аппетитом ее уничтожать.)*

Мишатка. Не забудьте, ребята, завтра вечером собрание в школе.

Ребята. Знаем.

Коля. Относительно Шаповских ребят поговорить надо. В наш отряд просят их принять.

Ванек. Отчего же не принять. Пока своего отряда нет, пусть в нашем будут.

Коля. Вот завтра и решим. А сейчас давайте-ка, ребята, споем нашу пионерскую.

Ребята. Идет! Спать все равно не хочется. Веселей будет.

Мишатка. Какую?

Коля. А вот ту, что недавно разучили.

Мишатка. У костра?

Коля. Вот-вот!

Гришутка. Мишатка, зачинай!

Мишатка. Всегда я зачинаю...

Петюшка. Так у тебя голос хороший...

Мишатка. Ну, так я... *(Запевает песню, которую подхватывают все ребята.)*

Листы деревьев не шелохнутся,
затихло все, безмолвна ночь,
горит костер и искры вьются,
потоком звезд несутся прочь.
Блестит огонь... И так красиво,
и ярко угли золотит.
Ложатся тени прихотливо,
и дым клубится и летит.
Костер из мрака выделяет
ряд лиц веселых и живых
и тени длинные бросает
на ветви елей молодых.
Вдруг песня стройно зазвучала
десятком юных голосов,
и громко эхо отвечало
и повторяло: „будь готов".
Притихли филины и совы,
как от полуденных лучей,
а песнь звенит: „всегда готовы",
и льется, льется как ручей.

(Песня кончена. Некоторое время все сидят молча.)

Коля. Хорошо...

Петюшка. Чего уж лучше.

Мишатка. Кто-то идет... *(Всматривается в темноту.)*

Ванек. Должно, наши мужики.

Мишатка. Вижу, что мужики, а кто?

Ванек. А вот подожди, подойдут поближе... Узнал... Семен, работник Ивана Иваныча и дядя Трофим...

Мишатка. Ой, братцы, мой батька шагает!

Коля. Ну, и глазищи же у тебя, Ванек. Ровно сова, в темноте видишь. *(К костру подходят Семен и Трофим.)*

Семен. Здорово, ребята!

Ребята. Здорово!

Трофим. Поете-то вы хорошо, а вот хорошо ли стережете?.. Мишка! Ты что тут валяешься? За лошадьми нужно смотреть, а он у костра сидит!..

Коля. Мы, дядя Трофим, по очереди караулим.

Трофим. По очереди! Вы со своими очередями все зеленя потравите.

Семен. Брось, Трофим, они караулят как надо.

Ванек. У нас-то еще ни одной потравы не было. А вот вчера мужики стерегли, так лошади половину клина вытоптали.

Трофим. А ты не выскакивай, не с тобой говорят!

Коля. Раньше времени браниться не стоит, дядя Трофим. Вот, когда потравим зеленя, тогда и говори.

Трофим. Тогда-то будет поздно.

Коля. А сейчас еще рано.

Трофим. Вот и сговорись с ними. Ты им слово, а они тебе десять. Тьфу!.. Пионеры!..

Семен. Да перестань, Трофим! Дались тебе эти пионеры!.. Чего тебе от них плохого? Ей-богу не понимаю!

Ребята. Правильно, дядя Семен! Правильно!..

Трофим. Ну, разве с вами сговоришься?.. Лучше молчать.

Ванек. Правильно!..

Трофим. Я вот тебе дам правильно, пострел ты этакий!.. Мишка, иди к лошадям! *(Мишатка неохотно поднимается.)*

Коля. Да там же есть ребята!.. Что ему там делать, дядя Трофим! Придет очередь, будет и он караулить.

Ребята. У нас по очереди!.. Зря ты его посылаешь, дядя Трофим!..

Трофим. А ну вас!.. *(Мишатка опускается на свое место. Трофим растягивается на шинели и начинает медленно скручивать собачью ножку.)*

Семен. А я вот про что с вами хотел поговорить, ребятки. У вас кажись есть правило, что по чужим садам и огородам лазать нельзя?

Ребята. Есть!.. Правильно!

Семен. Правило-то есть, да вот не все его исполняют

Ребята. Как не все?.. Мы теперь не лазаем!..

Семен. А я вот в эту ночь одного из ваших в саду у Ивана Иваныча прихватил... *(Павлушка поднимается и делает попытку уйти.)*

Коля. Кого?..

Семен. Эй, Павлушка, ты куда? Сам себя выдаешь?

Коля. Он залез?..

Семен. Он...

Павлушка. Я и взял-то три яблока...

Коля. Дело не в том, что ты взял три, а в том, что ты залез в чужой сад.

Трофим *(приподнимаясь)*. Вот они пионеры!.. По чужим садам лазать учатся.

Коля. Ты знаешь, Павлушка, наше правило?..

Павлушка. Знаю.

Коля. А зачем ты тогда полез в сад?

Павлушка. Я...э...э...э... только три... яблока... Да это опадышки...

Семен. Что ты врешь?.. Опадыши на земле валяются, а ты соскочил с яблони. *(Павлушка в смущении теребит рубаху.)*

Коля. Ну, ребята, что ж мы с ним будем делать?..

Трофим. Разложить, да прутьями по мягкому месту.

Коля. Мы и без прутьев обойдемся.

Ванек. Из отряда его вытурить!

Коля. Нет, это уж очень строго.

Ребята. Конешно строго!.. Из отряда вышвыривать нельзя!..

Коля. Я вот что предлагаю. Во-первых, Павлушка должен дать нам слово, что в другой раз он за яблоками не полезет и если он этого слова не сдержит, тогда, конечно, придется вытурить.

Ребята. Правильно! Правильно!

Коля. А, кроме того, в наказание он должен сегодня лишний раз побыть в карауле.

Ребята. Вот-вот! В караул его!

Коля. Кто согласен с моим предложением, поднимите руки!.. *(Все ребята вытягивают руки.)* Ну, Павлушка, слышал?

Павлушка. Слышал.

Коля. А теперь иди в караул. *(Павлушка берет с земли порваную шинель и уходит.)*

Семен. Ловко! Раз-два и готово.

Трофим (*сплевывая в сторону*). Судьи! Большинством голосов постановили... Совсем как большие. *(Некоторое время все лежат молча. Трофим сосредоточенно сосет „собачью ножку".)*

Семен. Вы бы спели, ребятки.

Трофим. Вот песни у них есть хорошие.

Коля. Хотя наши песни тебе понравились.

Трофим. Песни хорошие.

Коля. Споем, ребята?

Ребята. Что ж, давайте! Какую?

Ванек. „У задумчивого леса"...

Коля. Запевай, Мишатка.

Трофим. Мишка-то мой у вас вроде запевалы?

Коля. У него голос хороший...

Трофим. Ишь ты! А я и не знал... *(Мишатка запевает, а за ним вступают и другие ребята.)*

У задумчивого леса,
над зеркальною рекой,
под ветвями, как навесом,
мы разбили лагерь свой.
Ночь луною осветила
немудреный наш шатер,
искры, словно из горнила,
ей бросает наш костер.
Мы уселись дружным кругом,
и веселых песен звон
вдаль несется темным лугом,
будит спящий небосклон.
Все мы—дружные ребята,
ну, к чему же нам тужить!
Целый мир в свои объятья
мы готовы заключить.
Пусть же звучно раздается
наших песен громкий зов,
и, как эхо, отдается
им в ответ: „всегда готов".

Семен. Хорошо!...

Трофим. М-да...

Семен. Еще что-нибудь спойте.

Трофим. Нет, уж хватит. Завтра воскресенье. Раньше по субботам и смеяться шибко не позволялось, не только что петь.

Мишатка *(смотря в темноту).* Кто-то бежит...

Ванек. Васятка-подпасок.

Трофим. Он что ж, тоже пионер?

Коля. Тоже.

Васятка *(вбегая).* Ребята!.. *(Увидев мужиков, смолкает.)*

Трофим. Ты что это, полунощник, бегаешь?

Васятка *(тяжело дыша от сильного бега).* Ребята! Подите-ка сюда... Сказать мне вам надо...

Коля. Что сказать? Говори.

Васятка. Нет, подите сюда... Не все... *(Поднимается Коля, Гришутка, Мишатка, Ванек, Петюшка и еще несколько ребят. Все вместе с Васяткой уходят от костра.)*

Трофим. Ишь ты! Секреты... *(Пауза.)*

Семен. Слышал, Лука Матвеич опять на селе объявился.

Трофим *(сплевывая).* Слышал. Бабы об этом сегодня целый вечер тараторили.

Семен. У Ивана Иваныча остановился.

Трофим. Они приятели с давних пор... *(Некоторое время молчат.)*

Семен. Пройдоха — этот Лука Матвеич.

Трофим. Да еще какой пройдоха-то! И рожа-то у него жульническая.

Семен. Турнуть бы его с села.

Трофим. За что турять? Он никому не мешает... Попробуй-ка, турни, так бабы такой вой поднимут — на край света убежишь.

Семен. Да, бабы за него горой.

Трофим. Пойдем-ка пройдемся, посмотрим, как наши пионеры лошадей стерегут. Если только увижу хоть одну лошадь в зеленях, так я им такую Кузькину мать пропишу...

Семен. Што ж, пойдем. *(Поднимаются.)*

Трофим *(смотря на небо).* Ни одной тучки не видно. Жарища должно надолго установилась.

Семен. Да, лето засушливое.

Трофим. Молебен бы надо отслужить.

Семен. Нет, брат, тут никаким молебном не поможешь. (*Уходят. Через некоторое время к костру возвращаются ребята.*)

Коля. Ловко!

Мишатка. Чудо-чудное...

Коля. Да ты не обслышался ли, Васятка?

Васятка. Ну, вот, как же я обслышусь, когда они битый час об этом толковали, а я рядом в чулане лежал. У них даже чуть-чуть драка не вышла.

Гришутка. Хитрецы! Чудом захотели народ удивить.

Ванек. Надо будет мужикам об этом рассказать. Они им такое чудо покажут...

Коля. Нет-нет! Мужикам рассказывать пока не нужно. Тут надо по-другому действовать.

Петюшка. Как же по-другому?

Коля. А вот сейчас придумаем. Когда они хотят устроить явление-то?

Васятка. Завтра.

Коля. Ну, тут нужно действовать скорее.

Гришутка. Что ж тут действовать. Наше дело только рассказать, а уж действовать будут сами мужики.

Коля. Нет, так не годится. Мужиков эта компания в два счета проведет.

Петюшка. Да, это правда.

Коля. Пусть их поймает кто-нибудь другой.

Васятка. Кто же?

Коля. Во-первых, мы, а во-вторых, кто-нибудь из волости.

Мишатка. Вот это хорошо придумано!

Коля. Стой, ребята! Есть! Это будет такая ловкая штука! Пусть они устраивают свое чудо!

Васятка. Как же так?

Коля. Подождите. Всем вам я сейчас рассказывать не буду.

Мишатка. А как же волость-то про это узнает?

Коля. Как узнает волость? Кому-нибудь из нас нужно будет туда сбегать.

Петюшка. До волости десять верст.

Ванек. Если бежать, так нужно сейчас. К утру из волости должны быть здесь.

Васятка. В такую темь разве скоро добежишь.

Коля. Лошадь бы нужно.

Гришутка. Ребята! Я поеду на своей лошади. Батька у меня сейчас в городе, завтра день не рабочий — конь отдохнет.

Коля. А не боишься один-то?

Гришутка. Чего ж бояться! Волков сейчас нет.

Ванек. Это правильно! Пусть он скачет. К утру как раз обернет.

Коля. Ну, ладно. Ты знаешь, Гришутка, где волисполком помещается?

Гришутка. Как же не знать. Сколько раз там бывал.

Коля. Ну, так вот, разыщи там председателя. Председатель там коммунист, хороший. Расскажи ему все, и махайте обратно, чтобы к утру быть тут. А мы здесь тоже будем действовать.

Гришутка. Ладно, я поехал.

Мишатка. Твоя лошадь около лесной межи ходила.

Ребята. Только скорей оборачивайся!

Гришутка. Одна нога здесь, другая — там. *(Уходит.)*

Коля. А теперь вот что, ребята. Со мной пойдет Васятка, Мишатка и Ванек.

Петюшка. Возьмите и меня.

Коля. Нет, хватит. Если нас много наберется, то все дело можно будет испортить.

Мишатка. А ты что придумал-то?

Коля. Потом расскажу. А вы тут сидите, ребята, и виду не подавайте. Смотрите, не проболтайтесь мужикам.

Ребята. Ладно, ладно!

Коля. Сперва мы зайдем ко мне домой. Краски у меня есть, доска тоже.

Васятка. А это зачем?

Коля. А вот узнаете. Сегодня мы все устроим, а завтра народ увидит чудо-чудное!

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Ночь. На сцене абсолютная темнота. Через некоторое время слышатся шаги, и на сцену входит, с фонарем в руках, церковный сторож Дорофей. Фонарь, раскачиваясь и мигая, освещает часть церковной стены и могильные, покосившиеся от времени, кресты.

Дорофей. О-хо-хо! А-а... *(Зевает и скоблит затылок.)* Темь-то какая, хоть глаз выколи! Ничего, как есть ничего не видно. *(Напевая под нос какой-то церковный мотив, подходит к веревке, которая свешивается с колокольни, ставит на землю фонарь и звонит двенадцать раз.)* Люди добрые спят, а ты тут ходи да барабань в колокол. Какому лешему эти часы нужны. *(К Дорофею медленно подходит отец Викентий.)* Собачья жизнь, прости господи...

Викентий. Ты что это ругаешься, Дорофей?

Дорофей. Ой! Испужали вы меня, отец Викентий.

Викентий. Зачем же ты нечистого около храма божьего поминаешь?

Дорофей. Простите, отец Викентий, бес попутал.

Викентий. Старый уж, помирать пора, а все ропщешь. Грешно это.

Дорофей. Да я не ропщу, отец Викентий.

Викентий. Как же не ропщешь? А собачью жизнь поминаешь.

Дорофей. Что уж и говорить, отец Викентий, жизнь тяжелая. Днем мотаешься, и ночью покоя нет. То часы отбивай, то храм обойди, и за все за это три рубля в месяц получаешь.

Викентий. Что ж делать, Дорофей, сам видишь, какое время пришло. Верующих совсем мало стало. Доходов у храма почти никаких нет.

Дорофей. Да, верующих мало... *(Пауза.)* Раньше хоть покойников больше было. То гроб сколотишь, то могилу выроешь — все заработок. А теперь и помирают-то реже.

Викентий. Да, помирают реже.. *(Садится на могильную плиту, Дорофей усаживается напротив и крутит „собачью ножку". Фонарь тускло освещает две фигуры.)* Помнишь, года два тому назад, какое время было? Сколько народу от тифа померло? Что ни день — то двоих, троих отпевать приходилось.

Дорофей. Да, тогда было лучше.

Викентий. Ну, ладно. Пусть живут на здоровье.

Дорофей. Народ бога позабывает. Хоть бы какое наказание он, милостивец, послал, холеру что ли. Тогда бы все одумались.

Викентий. Ну, что ты! Господь с тобой! Сказал тоже — холеру. От холеры пожалуй и мы бы с тобой померли. Опять же, холерных не хоронят, а сжигают.

Дорофей. Тогда какую-нибудь другую болезнь.

Викентий. Иди-ка спать, Дорофей.

Дорофей. А что ж вы не спите, отец Викентий?

Викентий. Поясницу что-то разломило. Вот и вышел прогуляться. Благо ночь теплая.

Дорофей. Да, ночь благодатная. *(Почесывая спину и зевая.)* Вы бы к Анисье знахарке в Борки съездили, батюшка.

Викентий. Зачем?

Дорофей. Да вот насчет поясницы. Она хорошо пользует. Помню, моего брата покойника, царство ему небесное, от поясницы она тоже лечила. Заставила его лечь животом на порог, положила ему на спину веник и топором его.

Викентий. Кого, брата?

Дорофей. Да не брата, а веник. Веник топором.

Викентий. Ну, и что же, прошла поясница?

Дорофей. Нет, не прошла.

Викентий. А говоришь, знахарка хорошая.

Дорофей. Брат покойник — сам виноват. Она велела ему сорок раз „господи помилуй" сказать, а он со счета сбился. Ну, заговор и не подействовал. (*Пауза.*)

Викентий. Ну, иди, Дорофей.

Дорофей *(поднимаясь)*. Вот сейчас вокруг церкви обойду, да полезу на свою печку.

Викентий. Я обойду сам. Мне все равно спать не хочется, а ты ступай. Устал чай за день-то?

Дорофей. Как не устать. Целый день мотаешься, мотаешься и ночью то же самое.

Викентий. Ну, иди.

Дорофей. О-о-а, господи помилуй! Прощай, отец Викентий.

Викентий. Прощай.

Дорофей. Вам, может быть, фонарь оставить?

Викентий. Оставь, пожалуй. *(Дорофей, крестясь и ухая, уходит. Викентий тихо свистит и с другой стороны к нему подходят Иван Иваныч и Лука. У Ивана Иваныча в руках толстая палка.)*

Иван. Ушел?

Викентий. Ушел. Еле-еле я от него избавился, любит старик поболтать. *(Доносится лай собаки.)*

Лука. Тьфу! Еще тут собаки...

Викентий. Шарик! Шарик! Своих не узнаешь. Экий дурашливый! *(Лай смолкает.)*

Лука. Ну, где ж ваш камень?

Викентий. Вот он. *(Освещает фонарем часть кирпичной стены и большой приваленный к стене камень.)*

Лука. Хорош. Только повернем ли мы его?

Иван. Повернем. Только получше приналечь.

Викентий. А где икона-то?

Иван. Вон под деревом лежит.

Лука. Ну, отцы, за дело. Ты, Иван Иваныч, зайди вот с этой стороны и палкой его. А мы с отцом Викентием тут приналяжем.

Иван. Ладно.

Викентий. Подождите, подождите, дайте мне получше взяться.

Лука. Я буду командовать, как скажу раз, вы и беритесь. Ну, готово?

Иван. Готово.

Лука. Палку подложил?

Иван. Подложил.

Лука. Ну, раз! Еще раз! *(Пыхтят все трое около камня.)*

Иван. Не подается...

Лука. Ишь ты, дьявол! Как будто в землю врос.

Викентий. Он тут лет тридцать лежит.

Лука. И камень-то не ахти какой, а вот поди ж ты.

Иван. Его только раскачать, а там он сам перевалится.

Лука. Ну, давайте еще разок. Понатужимся. Как я скомандую, вы и беритесь. Взялись?

Викентий. Взялись.

Лука. Раз! Еще раз! *(Раздается треск.)* Это что такое, отец Викентий?

Викентий. Ах, пес вас загрызи! Ряса лопнула!

Иван. Да ну!

Викентий. Десять лет бессменно ее носил и... на тебе! Теперь хоть выбрасывай! Ай-ай-ай...

Лука. Ничего, отец Викентий, для чуда можно и рясу разорвать. Потом десять сошьем.

Иван. Экий дьявол, хоть бы немного сдвинулся.

Лука. Давайте еще разок, по команде! Только дружней беритесь. Налегай, отец Викентий! Раз!.. Еще раз!..

Иван. Подается, подается!

Лука. Еще, два!..

Викентий. Качается...

Лука. Сильней!..

Иван. Валится!..

Викентий *(подпрыгивая)*. Ой-ой-ой! Ногу отдавили! Ногу отдавили, иродовы дети! Ой-ой-ой! *(Садится на землю и сжимает руками ногу.)*

Иван. Неужто отдавили?

Викентий. Всю отдавили! Как есть всю! Ой, батюшки! Ой, родимые! Хоть помирай!

Иван. Да тише ты, отец Викентий, всех всполошишь своим криком.

Викентий. Тише... Ногу-то не тебе, а мне отдавили.. О-хо-хо! Помогите мне хоть подняться. Ну, что вы стоите? *(Иван Иваныч и Лука поднимают стонущего отца Викентия.)* Ох, должно, меня господь наказал!

Лука. Господь наказал. За что ж наказывать-то, когда для его же славы стараемся?

Викентий. Не могу наступить на ногу... *(Луке.)* А все ты! По команде, по команде! Нашелся командир. Тебе бы свиньями в хлеву командовать!

Лука. А у тебя где глаза-то были? На затылке?

Иван. Ну, опять сцепились! Велика важность — нога. Одну отдавили, другая осталась. Свяжешься с такими людьми да и не обрадуешься.

Викентий. Ох, к колену ударило...

Иван. Наступить-то на нее можешь?

Викентий *(наступая на ногу)*. М-о-г-у...

Иван. Ничего. До завтра пройдет.

Лука. Камень отвалили. Теперь можно закладывать.

Викентий. Чего закладывать?

Лука. Известно чего — икону.

Викентий *(прислушиваясь)*. Ох, братцы, кто-то идет. Гасите фонарь.

Иван. Где идет?

Викентий. С той стороны. Слышите шаги?

Иван. И вправду идет.

Викентий. Гаси скорей фонарь, Иван Иванович! *(Иван гасит фонарь и все погружается в темноту.)* Станьте сюда, к стене.. Ох, господи! Вот неудача-то! *(Где-то слышатся медленные шаги.)*

Иван. Уж это не воры ли? В прошлую неделю в Борках церковь обворовали.

Викентий. Свят-свят-свят! С нами крестная сила!

Лука. Сюда идут... Один кажись.

Иван. Нет, двое. Слышишь?

Викентий. Дернуло меня на это дело итти. В такую историю с этим чудом влопаешься.

Лука. Уже душа в пятки ушла?

Викентий. Хорошо, что ты такой храбрый. Тебе к этому делу-то не привыкать.

Лука. А зачем же ты пошел?

Викентий. Все ты, бес-искуситель! Подбил, а вот теперь и расхлебывайся... В тюрьму из-за вас попадешь!

Иван. Да тише вы! Ровно собаки цепные грызутся. Вы сами себя в яму сажаете.

Лука. Свинья ты после этого, отец Викентий. Тебе люди на помощь идут, а ты такие слова говоришь.

Викентий. Хороша помощь.

Иван. Да помолчите вы! Леший вас заломай! *(Все трое некоторое время стоят молча. Шаги, доносящиеся с другой стороны церкви, стихают.)* Остановился..

Викентий. Ох, чует мое сердце, что это воры.

Иван. Т-с-с...

Викентий. В набат что ли ударить?

Лука. Да ты что, с ума спятил, отец Викентий? Сам себя хочешь в тюрьму посадить? *(Шаги раздаются снова.)*

Иван. Сюда идут...

Викентий. Ох, господи, буди мне грешному!

Лука. Да не ной ты, отец Викентий!

Викентий. Пропали мы!

Иван. Ох, сейчас из-за угла покажутся. *(Раздается протяжный рев коровы.)*

Викентий. Тьфу! Да это корова Дорофеева здесь пасется.

Иван. Уф!.. А мы-то...

Лука. Ну, что ж, ударяй в набат, отец Викентий.

Викентий. Злоехидное ты существо, Лука Матвеич...

Иван. Хороши тоже! Коровы испугались. А еще чудеса делать беремся... Где уж нам...

Викентий. Старый хрыч! Сколько раз я ему говорил, не пускай корову в церковную ограду. Вчера она всю могилу отца благочинного загадила. Разве это допустимо? Корова — существо неразумное. Она разве понимает, что можно и что нельзя.

Иван. Ну, ладно. Давайте икону заложим да по домам, а то светать скоро станет.

Викентий. Где икона-то? Ох, на ногу наступить не могу. Пожалуй с этим чудом на всю жизнь хромым останешься.

Лука. Ничего, пройдет... *(Отходит в сторону и шарит руками по земле.)* Где она тут запропастилась? Ну-ка, Иван Иваныч, зажги фонарь, а то ничего не видно.

Викентий. Фонаря не нужно. Заметить могут.

Лука. Ну, пуганая ворона куста боится.

Иван *(зажигая фонарь)*. Никто его не заметит.

Лука. Дай-ка сюда фонарь. Никак спасителя не найду.

Иван. Уж его не корова ли съела?

Лука. Подавится.

Викентий. Ох, нога моя! Силушки нет.

Иван. Потерпи, отец Викентий. Пройдет.

Лука. Вот она. Нашел!

Викентий *(хромая, подходит к стене)*. Вот сюда кладите. Здесь как раз выступ. А потом камнем.

Иван. Как бы не раздавить.

Викентий. Кого?

Иван. Да спасителя.

Лука. Не раздавится. Он дубовый. *(Кладет к стенке икону.)* Хорошо так?

Викентий. Хорошо.

Иван. Ну, а теперь давайте привалим камень. Привалить-то его легче.

Лука. Беритесь, а я буду командовать.

Викентий. Опять ты с командой.

Лука. Взялись?

Иван. Подождите, палкой поддену... Ну?

Лука. Раз! Еще раз! Отец Викентий, вторую ногу не подставь, а то как на две ноги захромаешь, тогда беда. Некому будет и молебнов служить. Ну, еще раз! *(Приваливают камень к стене.)*

Иван. Готово!

Лука. Уф!.. Даже подрясник взмок.

Викентий. У тебя только взмок, а у меня разорвался.

Лука. Да как же не разорваться. Вишь ты какой толстый.

Викентий. Нет, теперь-то я похудел.

Лука. Похудел да не больно.

Иван. Ну, кажись все.

Лука. Траву-то больно помяли кругом.

Викентий. Ничего. Тут корова ходит. Идемте.

Лука. Ну, отец Викентий, жди святого чуда. Почини подрясник да карманы к нему побольше пришей.

Викентий. Были бы деньги, а карманов-то хватит.

Иван. Идем, Лука Матвеич, а то вещего сна увидеть не успеешь.

Лука. Идемте...

Викентий. Ох, помоги господи! *(Уходят. Некоторое время на сцене никого нет. С села доносится крик проснувшегося петуха, его подхватывают другие, и воздух оглашается звонким петуши-*

ным хором... На сцену тихо входят: Коля, Мишатка, Васятка и Ванек.)

Коля *(оглядываясь)*. Ничего. Где же здесь камень-то?

Васятка. Вот он.

Коля. Ого, какой!

Ванек. А ведь мы его пожалуй не отвалим.

Коля. Ну, что ты! Подналяжем и отвалим.

Мишатка. Может быть, они здесь еще и не были.

Васятка. Были. Видишь кругом вся трава обмята. И даже палка валяется.

Ванек. Палка Ивана Иваныча, он с ней всегда ходит.

Коля. Ладно. Эта палка нам пригодится.

Мишатка. А теперь давайте возьмемтесь за камень.

Коля. Ну-ка, ребятки, дружней! *(Все обхватывают камень.)* Раз! Еще раз! Ой-ля! *(Камень отваливается.)* Готово! *(Зажигают фонарь.)*

Мишатка. Ну, что?

Коля. Есть... Вот она! *(Все склоняются к стене.)*

Васятка. Спаситель!

Коля. Ах, мошенники! До чего додумались!

Ванек. Их на это взять.

Коля. А ведь народ бы и поверил.

Мишатка. Знамо дело, поверил бы... Особенно бабы... Их в два счета провести можно.

Коля. Сколько бы они на этом чуде подзаработали!

Васятка. Да.

Мишатка. Ну, бери, Коля, ихнюю икону да ставь нашу.

Коля. Где наша-то?

Ванек. Вот она, у меня.

Коля. Знаете, ребятки, давайте загасим фонарь. А то как бы не заметили.

Мишатка. Конечно, загаси. И без фонаря обойдемся... *(Коля гасит фонарь и опять все тонет в темноте.)*

Коля *(возясь у стены)*. Наша-то икона раза в три больше.

Мишатка. Ничего, и для нее места хватит.

Ванек. Ну, поставил?

Коля. Подождите. Поставил.

Ванек. Как бы краска-то не размазалась.

Коля. Не размажется. Она уже высохла. Теперь привалим камень и все будет, как следует.

Васятка. Беремся!

Коля. Раз, еще раз! Ну-ну, сильней! Есть!

Ванек. Ну, кажется все сошло гладко.

Коля. Лучше и не надо!

Мишатка. Теперь можно итти к ребятам. Смотрите же, братцы, молчок...

Васятка. А успеет Гришутка обернуть?

Ванек. Успеет, лошадь у него хорошая...

Мишатка. А куда же эту икону деть?

Коля. Возьмите ее тоже с собой. И палка и икона,—все пригодится.

Ванек. Шагаем, братцы!

Коля. Вот завтра народ увидит настоящее чудо... Нашему чуду пожалуй и эти чудотворцы удивятся...

Мишатка. Как не удивиться. Посеяли одно,— а выросло другое...

Ванек. Завтра будет чудо-чудное!

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Декорации первой картины. Утро. За столом, щелкая на счетах, с карандашом в руке, сидит Иван Иваныч. Степанида выметает избу. Доносятся монотонные, тягучие удары колокола. Звонят к заутрене...

Иван. Молебен перед чудотворной иконой в храме—двадцать копеек... За вынос иконы на дом—рубль...

Степанида. Ты что?

Иван. Это я промеж себя. Если весь доход делить на троих, то... *(Входят Матрена, Акулина и Марья.)*

Марья *(крестясь)*. С праздником!

Иван. С праздником, коли не врешь.

Марья. Капиталы подсчитываете?

Иван. Да, только теперь подсчитывать капиталы..

Марья. А где ж Лука Матвеич?

Матрена. Деньги мы ему принесли.

Иван. Житья вы теперь не дадите Луке Матвеичу.

Акулина. Мне бы тоже его повидать надо.

Иван. Повидать? Зачем же это?

Акулина. Да вот дельце есть.

Иван. Что, за водичкой?

Акулина. Может, даст. Живот у моего парнишки что-то схватило, так вот хочу спросить. Говорят, помогает святая водичка.

Иван. Не только святая, а от Серафима Саровского принесенная.

Марья. Так где ж Лука-то Матвеич?

Иван. Ишь ты, налипли ровно мухи. Спит Лука Матвеич, спит.

Марья. Спит... Ишь ты...

Степанида. Проходите, садитесь, бабы.

Акулина. Спасибо. Мы и постоим. Ноги-то свои, не купленые.

Степанида. Чево ж стоять. Места что ли на вас не хватит... *(Бабы садятся на лавку.)*

Марья. Долго спит...

Иван. Что долго?

Марья. Долго, говорю, спит Лука Матвеич.

Иван. Он всю ночь не спал.

Матрена. Ишь ты... Что ж это с ним?

Иван. Почитай, всю ночь молился. Зажег лампаду перед образами и молился.

Марья. Вот, не нам чета. Нам уж стало лень и в церковь ходить, не только что дома молиться.

Иван. Да тебе можно и совсем не молиться.

Марья. Как же так, не молиться!

Иван. Муж твой председатель совета, тот же большевик, а у большевиков бога нет.

Марья. У большевиков нет, а у меня-то есть. Пусть муж не молится, а я как молилась, так и буду молиться... *(Из чулана доносятся вздохи и кашель.)*

Иван. Проснулся, кажись.

Акулина. Уж не мы ли его своими разговорами разбудили!

Марья. Тише... *(Из чулана выходит Лука. Он в белых холстинных штанах и в длинной холстинной рубахе. На груди большой медный крест.)*

Иван. Проснулся, Лука Матвеич?

Лука. Иван Иваныч! Сестры мои! Сон я сегодня вещий видел.

Иван. Какой сон?

Лука. Вещий сон, братия мои...

Акулина. Ох, господи!

Марья. Свят-свят! *(Лука широким крестом осеняет грудь, за ним крестятся и все остальные.)*

Лука. Подите, сестры мои, скажите всем-всем, что удостоился я, грешник, увидеть вещий сон! Пусть, кто верует в господа, придет сюда. Расскажу я им о видении своем!

Марья. Пойдем, бабы, за народом...

Акулина. Погодите, касатки... Я еще не очухалась. Шутка ли, сон вещий...

Иван. Ладно, иди скорей, а по дороге очухаешься... Вишь, дело какое...

Лука *(становясь лицом к образам).* Господи! Благодарю тебя за милость твою. Удостоил ты меня, раба грешного, счастья великого! *(Становится на колени и делает земной поклон.)*

Матрена. Молится, бабоньки, молится!

Матрена. Идемте за народом!

Лука *(крестясь).* Благодарю тебя, господи, благодарю, мой владыка... *(Бабы, перешептываясь, вместе со Степанидой выходят).* Благодарю...

Иван. Ладно, ушли...

Лука *(оглядываясь).* Ушли? *(Поднимается с колен и потягивается.)*

Иван. Скоро они поверили...

Лука. Много ли бабам нужно. Сказано в пословице — у бабы волос длинен, а ум короток. И правильно это.

Иван. А ты молодец! Из тебя хороший бы актер вышел.

Лука. Нам к этому не привыкать. Вот теперь надо мужиков провести.

Иван. Удивительный ты человек, Лука Матвеич!

Лука. Ничего во мне удивительного нет. Такой же грешник, как и все. Только у меня на плечах не кочан капусты, а самая настоящая голова с мозгами. А вот у тех, для кого я эти все чудеса устраиваю, у тех кочан, и вместо мозгов у них навоз. Ха-ха-ха!

Иван. Го-го-го! Чудак... Навоз, говоришь?

Лука. Самый настоящий навоз...

Иван. Ну, такой человек, как ты — никогда не пропадет.

Лука. В огне не сгорю, в воде не утону... Потому что голова на плечах.

Иван. Ох, господи! Родятся же такие люди! *(Некоторое время сидят молча.)*

Лука. А как же отца Викентия предупредят?

Иван. К нему Степанида пошла, я ей сказал. Сейчас как раз заутреня кончается. Скоро, должно, к обедне ударят.

Лука. Как у него нога, прошла?

Иван. Должно, прошла.

Лука. А ежели не прошла?

Иван. Тогда значит хромает. Бог шельму всегда метит... *(Смеются.)*

Лука. Пакостный человек.

Иван. Кто?

Лука. Да отец Викентий. Ему, можно сказать, такое одолжение сделали, а он еще торгуется. Давай ему половину доходов. Губа-то не дура.

Иван. Губа поповская.

Лука. Как бы он только нас не обделал.

Иван. Не обделает.

Лука. Почему не обделает? Ведь в карман к нему не полезешь смотреть, сколько ему за молебствие дают.

Иван. В этом положись на меня. Я церковный староста, знаю, сколько дают за молебен. Я за ним во все глаза следить буду. Меня-то он не надует. *(Смотрит в окно.)* Народ идет... Ишь ты, сколько валит: и старики, и старухи, и бабы, и мужики.

Лука. Без старух никакое чудо не обходится.

Иван. Клюнуло — ну, начинай, Лука Матвеич.

Лука *(становясь на колени)*. Благодарю тебя за все благодеяния ко мне! Ты меня, раба грешного, удостоил великой милости своей! *(В избу входят бабы, мужики, старики, старухи. Увидев стоящего на коленях Луку, они жмутся в угол и тихо перешептываются. Лука, не обращая на них внимания, продолжает отбивать земные поклоны.)*

1-й мужик. Молится...

1-я баба. Да неужто это правда?

Матрена. Правда, касатка, правда... Вещего, говорит, сна я от господа удостоился...

Иван. Тише вы!.. Али не видите, что человек молится?

2-й мужик. Это все бабы. Куда не придут, везде базар устроят.

Лука. Во имя отца и сына и святого духа. Аминь... *(Делает широкий крест и поднимается.)*

Иван. Лука Матвеич, народ к тебе пришел.

Лука. Рад, братия мои и сестры, рад. Разделите вместе со мною радость мою. *(Входят: Трофим и отец Викентий. Викентий хромает.)*

Трофим. Пропустите батюшку, братцы! *(Народ расступается.)*

Лука. Благослови, отец Викентий!

Викентий *(благословляя Луку)*. Господь тебя благословит.

Лука *(целуя руку Викентия, тихо:)* Ну, держись батя... Дело на ходу... *(Викентий вздыхает.)*

Трофим. Что это, Лука Матвеич, народ рассказывает?

Викентий. Вот и я тоже пришел. Прямо из храма.

Лука. Братия й сестры мои! Удостоил меня сегодня господь великой милости... Видел я вещий сон... *(В толпе начинают перешептываться.)*

Трофим. Ишь ты!

Акулина. Ох, господи!

Лука. Ночью я долго молился. Молился о грехах своих и о грехах человеческих... Просил я господа отпустить нам все наши прегрешения, вольные и невольные. Господи — говорил я — прости нас, за наше безверие, прости нас за то, что мы стали отрекаться от тебя, нашего творца и благодетеля...

Марья. Вот, сразу видно, что праведник.

Парень. Праведник... На лбу у него что ли это написано?

Матрена. А ты молчи! Коли в бога не веруешь, так зачем сюда и приходил?

Трофим. Тише вы! Неугомонные!

Лука. После молитвы лег я спать. И не знаю во сне или на яву, только увидел я свет яркий. Ровно потолок надо мной расступился. И выходит из этого самого света... архангел Михаил...

Бабы. Господи! Господи! Сам архангел Михаил явился!

Лука. Выходит и говорит: „Раб божий Лука! Всю святую Русь охватило сейчас безверие, народ стал забывать своего бога, стал слушать дьявола. И вот, он, всевышний, хочет напомнить о себе, напомнить народу, что не дьяволу он должен служить, а ему, творцу всего мира. Встань, сбери народ и иди с ним к храму. Около стены церковной, что выходит на восток, лежит большой камень, пусть отвалит народ этот камень, и там все увидят образ спасителя. Сей образ сниспослан господом! Пусть молятся люди ему и не забывают имени божьего!".

1-й мужик. Это за каким же камнем?

Трофим. Ну, за каким, за каким! Около церкви лежит, большущий такой.

1-й мужик. А-а! Вспомнил, вспомнил!

Парень. А по-моему это одно умопомрачение...

Марья. Молчи ты, бесстыжий!

Парень. Чево ж тут молчать.

2-й мужик. Вот увидим, помрачение или нет. Може и вправду икона явилась. Ведь бывают же чудеса...

Парень. А я не верю им...

Матрена. Дурак ты, потому и не веришь...

Из толпы. Братцы! А что это наш поп захромал!..

1-й мужик. А кто его знает. *(Сквозь толпу проталкиваются: Мишатка и Ванек.)*

Марья. Куда лезете, пострелы!

Трофим. Без пионеров нигде дело не обходится. Мишка! Ты зачем сюда?!.

Мишатка. Посмотреть.

Трофим. Чего тебе тут смотреть?

Иван. Что ж, братцы, коли такое дело, то нужно итти к храму.

Народ. Знамо дело, к храму! К храму!..

Викентий. Братие!.. Идемте к храму, отслужим благодарственный молебен, поднимем иконы и тронемся к камню...

1-й мужик *(скобля затылок)*. Что ж раньше время благодарственный молебен служить. Молебен-то мы отслужим, а иконы, пожалуй, не найдем...

Анисья. Да как же не найдем!!. Сам архангел об этом говорил.

1-й мужик. О чем говорил?

Анисья. Да об иконе-то.

1-й мужик. А теперь на слово никому верить нельзя.

Лука. Слушаю я ваши речи, братия, и болею душой. Даже в чудо вы не хотите поверить.

2-й мужик. Да ведь мы еще не видим этого чуда-то?

Иван. Вот сейчас увидите. Трогайтесь к храму!..

Народ. К храму! К храму!..

Парень. Эй, Федюшка, пойдем посмотрим!..

Из толпы. Пойдем. Чем пес не шутит, може и правда.

1-й мужик. Что это вы, отец Викентий, охромели?

Викентий. Ох, и не говори, Митрофан. На крыльце вчера в потемках оступился, да кость ушиб... Еле-еле хожу...

1-й мужик. А вы бы ее маслом иконным натерли. От вывиха масло хорошо помогает.

Викентий. Ишь ты, а я и не знал. Надо будет потереть.

1-й мужик. Знамо дело, натрите... Масло помогает.

(Народ выходит из избы. Впереди всех Лука со скрещенными на груди руками и высоко поднятой головой.)

Иван. Ну, трогаемся. Клюнуло, чорт возьми!

КАРТИНА ПЯТАЯ

Через всю сцену проходит церковная стена. К стене привален большой, покрытый от времени мхом камень. Ближе к зрителям несколько покосившихся намогильных крестов и памятников. Из церкви доносится пение церковного хора. Слов разобрать нельзя, слышна только тягучая ноющая мелодия. Входят: Мишатка и Ванек.

Мишатка. Сейчас молебен кончится.

Ванек. Гришутка-то вернулся?

Мишатка. Вернулся.

Ванек. Приехал кто с ним?

Мишатка. Как же, сам председатель волисполкома и еще кто-то.

Ванек. Двое?

Мишатка. Да...

Ванек. Где ж они сейчас?

Мишатка. У Коли сидят. Там и наши ребята.

Ванек. Только вот какая штука, ведь волостного председателя все знают. Как только он придет сюда со своим товарищем, так наши чудотворцы пожалуй отвиливать начнут.

Мишатка. Насчет этого ты не беспокойся. Мы уже все устроили. Никто их не узнает.

Ванек. Как же так? Ведь они придут сюда?

Мишатка. Придут.

Ванек. Так как же их не узнают? *(Мишатка что-то шепчет на ухо Ваньки.)* Ловко придумали! Ха-ха-ха! Это хорошо...

Мишатка. Чего уж лучше.

(Из-за кулис доносится крик мальчугана: „Дедушка Дорофей, дедушка!")

Дорофей *(с колокольни)*. Чево?

Мальчуган. Батюшка трезвонить велел!

Дорофей. Трезвонить?

Мальчуган. Да. Во все колокола!

Дорофей. Молебен кончился?

Мальчуган. Кончился-а! *(Раздается частый колокольный трезвон.)*

Мишатка. Ну, молебен кончился. Сейчас начнется.

Ванек. А где же наши-то?

Мишатка. Да вон они идут.

Ванек. Легки на помине. *(Мишатка машет рукою. Входят: Коля, Гришутка и другие ребята.)*

Мишатка. А где ж председатель-то?

Коля. В церковь пошли.

Ванек. Ловко!

Мишатка. А тебя, Васятка, как же дед от стада отпустил?

Васятка. У меня сегодня слободный день. По праздникам мы с дедом чередуемся.

Мишатка. Вот это хорошо. Все наши тут. *(Доносится церковное пение и гул множества голосов.)*

Коля. Пойдемте-ка отсюда, ребята.

Церковный хор *(поет)*.

Святый боже! Святый крепкий! Помилуй нас!
Пресвятая троице, отпусти нам беззакония наши!
Помилуй нас, господи!

(На сцену входят: впереди всех, с церковным фонарем мальчуган, за ним Лука и отец Викентий с кадилом в руках. Дальше следует хор седобородых старичков и морщинистых старушек, бабы с иконами в руках и толпа. Рядом с Иваном Иванычем шагает сгорбившийся старик и бородатый мужик. У того и у другого за плечами котомки и палки в руках.)

Старик. Шли мы в город в земотдел относительно лугов. Идем вашим селом, слышим, про какую-то явленную икону говорят. Давай, говорю, Андрей, завернем.

Иван. Да, братец, икона явилась. Вон видишь, мужик впереди идет, в белой рубахе!

Старик. Вижу.

Иван. Это странник, Лука Матвеич, человек праведной жизни.

Старик. Лука Матвеич! Я о нем слыхал.

Иван. Ну, так вот, сегодня ночью ему вещий сон был.

Старик. Ишь ты!

Иван. Архангел Михаил явился... Иди, говорит, с народом к церковному камню, там икона явилась.

Старик. Слышал, Андрей?

Мужик. А?

Старик. Икона здесь явилась.

Мужик. Бывает.

Старик. Ну, теперь со всех концов народ к вам повалит. Шутка ли, икона явилась на селе!

Иван. Не знаю, за что только мы сподобились такого счастья.

Старик. Значит чем-то заслужили перед господом.

Трофим. Вот и камень, не напирайте, братцы! Ведь вы этак и камень раздавите!

Марья. Анисья! Анисья! Пробирайся-ка наперед!

Трофим. Тише вы! Вам тут не базар!

Иван. Экие горластые!

Старик. Пропустите, касатики, старуху. Целый век на белом свете прожила и ни одного чуда не видела.

Парень. Пропустите бабку Ефросинью, бабы. Вы-то еще много чудес увидите, а ей уж скоро помирать.

Старуха. Да ты что ж на меня смерть накликаешь, охальник!

Парень. Ну, ладно-ладно! Иди, не ерепенься!

Старуха. То-то... *(Проталкивается сквозь толпу.)*

Викентий. Братия! Потише надо быть! Ведь не на свадьбу пришли, а на явление иконы!

Трофим. Да это тут все бабы толкаются.

Матрена. Сам протолкался наперед, а бабы виноваты.

Трофим. Протолкайся и ты!

Иван. Да осадите вы назад. Хоть перед храмом-то бы не грешили. *(Наталкивается на Васятку.)* А ты что здесь юлишь, пострел?!

Трофим. Без этих пионеров дело не обходится. Ох, господи!

Коля. Как мухи на мёд к чуду-то все слетелись.

Мишатка. Пусть, пусть посмотрят.

Викентий. За палками-то пошли?

1-й мужик. Пошли. Сейчас принесут.

Викентий. Дорофей!

Дорофей. Тута!

Викентий. Принеси святую воду из церкви.

Лука. Это зачем!

Викентий. Камень нужно окропить.

Лука. Это правильно. Окропить надо.

Иван *(обращаясь к старику)*. А вы сами-то откуда?

Старик. Из Полесья, в город относительно лугов идем.

Иван. Так-так. Вы там своим в Полесье-то скажите. Пусть приходят молебны перед явленной иконой служить.

Старик. Непременно скажем.

Иван. Хотя теперь народ-то безбожный пошел.

Старик. Ох, и не говори. Хоть бы почаще такие чудеса бывали. Все бы народ образумился.

Иван. Да.

Старик. Хоть в пору самим чудеса устраивать.

Иван. Не греши, старик. Подумай, что говоришь.

Старик. Ох, прости господи! Дернуло тоже болтнуть.

Иван. Сперва надо подумать, а потом говорить.

Старик. Правильно, касатик, правильно. Сперва надо подумать. (*Входят два мужика с дубинами и Дорофей с кувшином воды.*)

1-й мужик. Ну, что ж с палками-то делать?

Иван. А вот сейчас нужно будет камень отвалить.

Викентий. Подождите. Лука Матвеич хочет слово сказать.

Лука. Погодите отваливать. (*Поднимает руку вверх.*) Братие мои и сестры! Сегодня явился ко мне ночью архангел Гавриил и сказал...

Парень. Да ведь ты говорил, что архангел Михаил!

Лука. Ну, может быть, Михаил.

Иван *(парню)*. Ты не суйся, где тебя не спрашивают! Голова ежовая!

Парень. Да ведь он сперва говорил, что Михаил, а теперь говорит, что Гавриил.

Иван. А не все ли равно, Гавриил или Михаил. Ведь архангелов-то тьма-тьмущая. На лбу у них не написано, как кого зовут.

Лука. И сказал мне архангел... Веди, раб божий Лука, народ к церковному камню, явилась там икона...

1-й мужик. Да ладно, чего там. Отваливайте камень.

Трофим. Куда ты торопишься. Придет время и отвалим.

Викентий *(хору)*. Пойте, кресту твоему.

Хор *(поет)*.

Кресту твоему
поклоняемся, владыко...
И святое
воскресение твое славим.

Мишатка. Ох, ребята, я сейчас лопну от смеха.

Коля. Тише ты, услышат. *(Во время пения отец Викентий кропит водою камень. Бабы и мужики усиленно крестятся.)*

Викентий. Все время пойте:

Кресту твоему
поклоняемся, владыко...
И святое
воскресение твое славим.

Из толпы. Господи! Отец ты наш! Матерь божия, заступница! *(Многие становятся на колени.*

Викентий, делает знак мужикам. Те подходят к камню, поддевают его кольями и откидывают его. В углублении, сделанном в стене, стоит доска, на которой нарисован красною краской серп и молот и крупными буквами написано: „Религия — опиум для народа". Хор резко обрывает свое пение. Отец Викентий роняет из рук кувшинчик с водой. Толпа от неожиданности шарахается в сторону. Некоторое время царит абсолютная тишина. Старуха, не рассмотрев сослепу доски, падает на колени и, что-то бормоча под нос, начинает отбивать поклоны.)

Парень *(бабке)*. Смотри, на что молишься-то!..

Старуха. Ой, батюшки!.. Наваждение бесовское! Наваждение!..

Викентий. Ва... ва... Га... га... Ба... ба... *(Пришедшая от изумления в себя толпа начинает галдеть. Слышится вой баб, крики мужиков... Нельзя разобрать ни одного слова в этом галдении.)*

Терентий. Тише, православные! Нельзя так!.. Тише!..

Парень. Какого же вам еще чуда нужно! Уж это ли не чудо!!

Старик. Вот так явление!..

Иван. Свят-свят-свят!

Народ. Ты что же молчишь, Лука Матвеич! Говори!.. Язык, что ли, проглотил?..

Лука. Б-братцы, я-то при чем же?.. Почем я знал, что архангел... такую штуку подстроит.

Парень. Ай да архангел!.. Он оказывается тоже безбожник!..

Иван. Замолчи, чорт!... Или я тебе рожу на бок сворочу!..

Марья. Бабоньки! Родимые!.. Что же это такое?!

Парень. Али не видишь? Чудо... *(Расталкивая толпу, к камню пробираются: Коля, Мишатка, Ванек и другие пионеры.)*

Коля. Граждане!. *(Все стихают.)* Вас хотели надуть!.. Иван Иваныч, поп и Лука сговорились устроить чудо!.. Они хотели устроить явление иконы!..

Иван. Ах, ты, щенок!.. Да я тебя!.. *(Бросается к Коле. Но его задерживают мужики.)*

Трофим. Подожди, Иван Иваныч!.. Легче!..

Коля. Поп, кулак и монах-расстрига поставили сюда ночью икону, а мы об этом узнали и вместо иконы поставили вот эту доску. Мы хотели их перечудесить!..

Лука. Не ври!.. Врет он, братцы!..

Коля. Вру!.. *(Поднимает вверх икону.)* А вот это чья икона... А вот палка Ивана Иваныча. Он забыл ее здесь ночью. Ну, что, теперь мы врем?..

1-й мужик. Погодите, погодите, а как же вы, ребята, об этом узнали?

Васятка. Я им рассказал. Я лежал в чулане у Ивана Иваныча, а они все трое сговаривались.

Иван. Я тебя сейчас убью!..

Ребята. Попробуй убей!.. Руки коротки!.

Терентий. Так вот она какая штука-то?!. Нас хотели на иконе провести!.. Ловко!.. Ах, вы, черти!..

Из толпы. Бей их!..

Викентий. Братцы!.. Помилуйте!.. *(Толпа с криками бросается на Луку, Викентия и Ивана Ивановича.)*

Коля. Не троньте их!..

Старик. Стойте, граждане!.. *(Толпа останавливается.)* Да разве так можно?..

Трофим. А ты что нам за указ, старый хрыч?! Или из одной шайки с ними?.. Лупи их, братцы!..

Старик. Стойте!.. *(Срывает с головы парик и бороду, это же делает и его спутник.)*

Трофим. Да это председатель волостного исполкома, братцы!..

Председатель. Он самый!..

Парень. Одно чудо за другим!..

Председатель. Ну, разве так можно, граждане!. Пора бы вам о кулаках забыть! Я приехал с товарищем к вам для того, чтобы арестовать эту компанию. Накажут их за это чудо и без вас. За такие вещи сейчас по головке не гладят. *(Обращаясь к Викентию, Луке и Ивану Ивановичу.)* Вы арестованы!..

Викентий. Господин, тьфу! — товарищ гражданин!.. Я тут не при чем!.. Меня самого обманули!

Лука. Замолчи, батя, все равно не вывернешься!..

Викентий. Это все они!..

Иван. Рассказывай сказки!..

Викентий. Ох, господи!.. Чуяло мое сердце!..

Председатель. Сейчас мы их отвезем в волость, а из волости в городскую тюрьму. Им место там!..

Викентий. В тюрьму?! Ох, матерь божия!.. А как же церковь-то останется!..

Мужики. Ладно, не горюй. Без тебя обойдемся!.

Трофим *(председателю)*. А как же вы-то об этой штуке узнали?

Председатель. Ваши пионеры меня предупредили.

Гришутка. Я ночью в волость ездил...

Народ. Молодцы, ребята!.. Право слово, молодцы!.

Терентий *(сосредоточенно скобля затылок)*. Ну, и ребята! Вона они какие!..

Семен. Про что же я тебе говорил, дядя Трофим!

Трофим. М-да...

Председатель. Благодарите своих пионеров, граждане! Если бы не они, так вас бы в два счета провели!..

Народ. Молодцы, ребята!

Председатель. Пионер!.. Будь готов!..

Ребята. Всегда готов!..

Парень. Что, дядя Трофим, рот-то раскрыл?! Лихие ребята?..

Трофим. М-да...

Коля. Ну, мы свое дело сделали, братцы!.. А теперь в школу на собрание!.. *(Толпа, вместе с арестованными, удаляется. На сцене остаются только: Трофим и Мишатка.)*

Трофим. Молодцы!.. *(Задумчиво скоблит затылок.)* А ведь это оно, пожалуй, и к лучшему...

Мишатка. Что к лучшему?..

Трофим. Да пионеры-то... А ты что ж от ребят отстал?..

Мишатка. Я спроситься... На собрание бы мне...

Трофим. Ах, ты, плут!.. *(Тычет сына пальцем в живот.)*

Мищатка. Браниться не будешь?

Трофим. Чего ж браниться... Я и раньше-то ведь так... для блезиру... *(Хлопая сына по плечу.)* А теперь беги-ка на собрание, а то опоздаешь!.. *(Издали доносится пение удаляющихся пионеров.)*

Мишатка. Наши ребята поют.
Трофим. Слышу, слышу... Поют хорошо!..
Пионеры *(доносится песня).*

С нами тот, кто смел и молод,
кто с коммуной слил свой шаг.
Наш учитель — крепкий молот,
наш вожатый — красный стяг!..
Шаг вперед — отцов сменим!..
Сильный мощный коллектив,
молодежь, нас долг зовет
дружно мы пойдем вперед!..

(Отец и сын прислушиваются к пению.)

Конец.

БИБЛИОТЕКА